

логии. Не рассматривая, по соображениям места, этот вопрос во всей полноте, остановимся на аргументах, приводимых Ф. Я. Прийма в пользу «просветительства» Кантемира.

Ф. Я. Прийма совершенно прав, когда указывает, что Кантемир был «противником клерикализма и религиозного догматизма» и отрицательно относился к монахам, которых «весьма гнушался» (стр. 36). Однако необходимо иметь в виду, что на такой же позиции стояли многие общественные деятели тех лет, говорить о которых как о «просветителях» (не в житейском, а в научно-терминологическом смысле этого слова) нет оснований. Таковы, например, Татищев и Петр I, который монахов именовал «долгими бородами, кои по тунеядству своему ныне не в авантаже обретаются», а к их смертным грехам считал необходимым прибавить еще один — «лицемерие и ханжество». Даже Ф. Прокопович, сам видный церковный деятель, был свободен от средневекового преклонения перед догматикой. В связи с изуверской кампанией, развернутой Стефаном Яворским вокруг дела Тевверитинова и его единомышленников, Прокопович, отражая официальную правительственную линию, в специальном «Слове» требовал, «дабы тшались пастырие учить народ правильному святых икон почитанию и отводить его всячески от боготворения».⁸

Приводимые Ф. Я. Прийма аргументы в пользу наличия «материалистических элементов в философском сознании А. Кантемира» (стр. 36—37) требуют подкрепления — в таком виде они не обладают безоговорочной убедительностью. Факт прямых выступлений Кантемира против Эпикура не может быть снят лишь тем, что в библиотеке поэта имелось три издания Лукреция, а в одном из его писем содержится беглое упоминание о том, что критика философии Лукреция представляет для него такой же интерес, как и сама эта философия (стр. 36).

Ни «пропаганда гелиоцентрической системы Коперника», ни стремление «к исследованию „причин действий и вещей“» не говорят еще о связи Кантемира с той специфической формой материализма, которая составляла элемент просветительской идеологии и характеризовалась сенсуализмом в гносеологии и этике. Да и сам автор на стр. 35 совершенно верно связывает Кантемира с картезианским рационализмом. Развитие этого тезиса, видимо, было бы более плодотворным, чем искусственное сближение Кантемира с тем историческим этапом, для возникновения которого в России еще не было оснований.

Ссылка на упоминание Кантемиром «оснований права ес-

⁸ Феофан Прокопович... Слова и речи, ч. I. СПб., 1760, стр. 93.